

Гарольд Белл Райт

Перерождение Брайана Кента

История о втором шансе, исцелении
душой и возвращении к свету

18+

Гарольд Белл Райт

Перерождение Брайана Кента

«Автор»

2026

Райт Г.

Перерождение Брайана Кента / Г. Райт — «Автор», 2026

Классический роман американского писателя Гарольда Белла Райта «Перерождение Брайана Кента» — это пронзительная и глубокая история о падении, искуплении и духовном возрождении человека, потерявшего опору под ногами. Главный герой, чья репутация и жизнь оказались разрушены под грузом тяжелых ошибок, находит убежище в тихом, живописном уголке Озарковых гор. Среди первозданной природы и вдали от суеты больших городов Кент сталкивается с укладом жизни простых местных жителей. Их честность, милосердие и искренняя вера становятся для героя истинными моральными ориентирами. Роман исследует границу между отчаянием и надеждой, доказывая, что прошлое не должно определять будущее человека, а искренний труд, единение с природой и чистота помыслов способны исцелить самую израненную душу. Это вневременная притча о втором шансе и смелости начать жизнь с чистого листа.

© Райт Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дорогая тётушка Сью,	12
Глава I. Удивительная женщина	13
Глава II. Человек во тьме	16
Глава III. Письмо не пришло	19
Глава V. Тётушка Сью узнаёт джентльмена	24
Глава VI. В бревенчатом доме у реки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гарольд Белл Райт

Перерождение Брайана Кента

Предисловие переводчика

Предлагаемый вниманию читателя роман Гарольда Белла Райта «Перерождение Брайана Кента» (1919) — это произведение удивительной судьбы и непреходящей нравственной силы. В свое время имя американского пастора и писателя Гарольда Белла Райта гремело по всему миру. Его книги издавались миллионными тиражами, соперничая по популярности с Библией и опережая творения многих признанных классиков начала XX века. Однако за прошедшие десятилетия литературная мода изменилась, и незаслуженно в тени оказались произведения, способные говорить с человеческой душой на самом глубоком, сокровенном языке.

«Перерождение Брайана Кента» — это не просто художественная проза, а глубокая притча о падении, искуплении и моральном возрождении человека, потерявшего опору под ногами.

О книге и ее герое

Главный герой романа, Брайан Кент, кажется, безвозвратно утерян для мира. Запятнанное имя, груз страшных ошибок, разрушенная репутация и полное крушение всех жизненных идеалов приводят его на дно отчаяния. Казалось бы, выхода нет. Но судьба забрасывает Кента в тихий, живописный уголок американской глубинки — в Озаркские горы, где время словно замедляет свой бег, а люди живут по суровым, но честным законам совести и милосердия.

Именно здесь начинается долгое, болезненное, но исцеляющее преображение героя. Встреча с простыми, искренними людьми, единение с первозданной природой и, главное, обретение внутренней правды помогают Брайану заново собрать себя по осколкам. Автор показывает нам редкую по силе психологизма и чистоты историю: как человек, оступившийся и преданный собственными слабостями, находит в себе мужество не сломаться, а подняться и начать жизнь с чистого листа.

Трудности и радости перевода

Работать над текстом Гарольда Белла Райта — это одновременно испытание и высокое творческое наслаждение. Проза Райта отличается особой музыкальностью, неторопливой эпичностью и глубоким моральным пафосом.

При переводе этой книги на русский язык передо мной стояли две главные задачи:

Сохранить атмосферу эпохи и дух американского Юга. Описания природы Озарка у Райта — это не просто живописный фон, а полноправный участник повествования, отражающий внутреннее состояние героев. Важно было передать эту почти осязаемую свежесть горного воздуха, шепот листвы и тишину удаленных ферм.

Передать тончайшие психологические нюансы. Диалоги и внутренние монологи Брайана Кента требуют бережного отношения к каждому слову. Здесь нет фальшивого пафоса,

но есть предельная искренность, которая сегодня может показаться непривычной, но именно она подкупает современного читателя, уставшего от цинизма и поверхностности.

Для кого эта книга?

Этот роман адресован тем, кто ценит классическую психологическую прозу, истории о духовном преодолении и исцелении человеческой души. В мире, где каждый из нас порой сталкивается с кризисами, потерей ориентиров и чувством вины, история Брайана Кента звучит как обнадеживающее напоминание: **никогда не поздно остановиться, переосмыслить свою жизнь и родиться заново.**

Пусть это путешествие в Озаркские горы вместе с героями книги станет для вас источником света, утешения и веры в лучшее в человеке.

«Ибо человек истинно жив лишь тогда, когда его прошлое перестает быть тюрьмой, а становится лишь ступенью к его настоящему».

Приятного чтения.

Владимир Давыдов

Главные и второстепенные персонажи романа

Брайан Кент — молодой человек с литературным дарованием, бывший банковский служащий. Ошибки прошлого и крушение семейной жизни приводят его к отчаянию. Оказавшись в доме тётушки Сью, он постепенно возвращается к труду, творчеству и ответственности за собственную судьбу. В этих краях его знают под именем **Брайан Бёрнс**.

Тётушка Сью — **Сьюзен Э. Уэйкфилд** — пожилая учительница, посвятившая преподаванию полвека. Живёт в небольшом бревенчатом доме среди Озаркских холмов. Её душевная щедрость сочетается с проницательностью, самостоятельностью и твёрдостью характера.

Она верит в способность человека измениться и умеет поддержать эту способность деятельным участием.

Бетти Джо Уильямс — молодая образованная девушка, воспитанница и любимица тётушки Сью. Владеет стенографией и машинописью, обладает практическим умом, чувством юмора и решительностью. Приезжает помочь Брайану подготовить рукопись. За её деловитостью скрываются глубокие чувства и серьёзное отношение к любви.

Джуди — Джудит Тейлор — девушка из местной горской семьи, живущая у тётушки Сью. Пережитое в детстве насилие оставило след на её теле и характере. Резкая, недоверчивая и болезненно чувствительная к чужому вниманию, она отчаянно нуждается в привязанности. Её история занимает важное место в нравственном замысле романа.

Марта Кент — жена Брайана. Между супругами возникло глубокое отчуждение: стремления мужа к учёбе и литературному труду не находят у неё понимания. Её образ связан с болезненными воспоминаниями Брайана и с той жизнью, от которой он пытается уйти.

Гомер Т. Уорд — президент сберегательного банка «Эмпайр Консолидейтед», где прежде работал Брайан. Один из давних учеников тётушки Сью. За положением влиятельного финансиста сохраняет благодарность учительнице и способность к человеческому участию.

Джэп Тейлор — отец Джуди, жестокий и корыстный самогонщик. Его обращение с дочерью во многом определило её тяжёлую судьбу. Он представляет мир насилия и страха, от которого тётушка Сью старается оградить девушку.

Том Уорден — сосед тётушки Сью, местный фермер. Вместе с другими жителями округа помогает ей вести хозяйство. Его добрососедство и готовность прийти на помощь составляют часть повседневной жизни маленького сообщества.

Росс — сыщик агентства Уильяма Дж. Бёрнса, разыскивающий Брайана Кента. Его появление напоминает о прошлом героя и об ответственности перед законом.

Шериф Нокс — местный представитель закона, участвующий в розыске Брайана.

Гарри Грин — участник городской компании, отдыхающей в клубном доме выше по реке. Самоуверенный и бесцеремонный, он связан с миром развлечений, которому чужды уклад и ценности дома тётушки Сью.

География романа

Главное пространство романа — Озаркские горы: лесистые холмы, уединённые фермы, просёлочные дороги и река, на берегу которой стоит дом тётушки Сью. Большие города остаются преимущественно за пределами этой местности, однако прошлое героев постоянно связывает тихий речной мир с городской жизнью.

Ниже представлены основные места действия. Это литературный путеводитель по роману: точный маршрут на современной карте по авторским описаниям восстановить нельзя.

Озаркские горы

Край холмов, лесов и речных долин, где разворачиваются главные события. Здесь расстояния измеряются не только милями, но и трудностью пути: дорога через горы требует времени и сил, а река может одновременно соединять людей и отделять их друг от друга.

В этом окружении Брайан постепенно возвращается к деятельной жизни. Работа на земле и в лесу, смена времён года и общение с местными жителями становятся частью его внутреннего изменения.

Дом тётушки Сью

Небольшой бревенчатый дом у реки — смысловой и эмоциональный центр повествования. Здесь живёт старая учительница, здесь находят приют люди, нуждающиеся в помощи.

К дому примыкают сад и хозяйственные постройки; выше по склону лежат обрабатываемая земля и лесной участок. Крыльцо обращено к реке и окрестным холмам. Вечерние беседы и наблюдение за закатами составляют важную часть жизни его обитателей.

Река

Автор не даёт главной реке собственного названия. В повествовании она выступает как узнаваемое живое присутствие: её слышно из дома, по ней передвигаются на лодках, возле неё работают и отдыхают.

Спокойные участки сменяются стремнинами и порогами. Через это движение раскрывается один из центральных образов книги — непрерывность жизни, в которой отдельные человеческие судьбы соприкасаются, расходятся и вновь сближаются.

Излучина

Тихий речной участок выше порогов Элбоу-Рок. Здесь можно кататься на лодках и ловить рыбу. На Излучине появляются отдыхающие из клубного дома.

Её спокойная поверхность особенно заметно контрастирует с опасной водой ниже по течению. Переход между этими участками имеет большое значение для событий романа.

Элбоу-Рок — Локтевая скала

Высокая скала у резкого поворота реки. Её название связано с очертаниями изгиба, напоминающего согнутый локоть.

Рядом находятся опасные пороги: стремительное течение, бурлящие волны и каменная стена делают этот участок угрозой для неопытного или беспечного лодочника. Элбоу-Рок становится одним из важнейших мест действия и образом испытания человеческих сил.

Заводь и пристань под садом

Небольшое защищённое место у берега возле дома тётушки Сью. Здесь лодку можно подвести к суше и оставить вне основного течения.

Эта скромная пристань связывает домашний мир с рекой. Через неё приходят гости и начинаются путешествия.

Лесной склон и расчистка Брайана

Участок земли на склоне, где Брайан рубит деревья и готовит почву для дальнейшего использования. Тяжёлый физический труд постепенно укрепляет его тело и возвращает уверенность в собственных силах.

Расчистка становится также местом встреч и разговоров. Отсюда открывается вид на окружающие холмы, реку и маленький дом внизу.

Школьный холм и Столовая гора

Местные ориентиры, помогающие представить окружающую местность. Их названия входят в привычную географию жителей округа: через подобные точки они объясняют расположение домов и направление дорог.

Клубный дом

Загородный дом на противоположном берегу, примерно в миле выше жилища тётушки Сью. Сюда приезжают городские гости; возле него устроена лодочная пристань.

Физически два дома разделяет небольшое расстояние, однако их обитатели живут в разной нравственной атмосфере. Тихому труду, заботе и сосредоточенности противопоставлены праздность, шумные развлечения и беспечность.

Томпсонвилл

Ближайший населённый пункт с железнодорожной станцией, через который герои выезжают в большой мир и возвращаются домой.

Дорога между станцией и домом тётушки Сью проходит по холмистой местности. Для таких поездок служат коляска и старый конь Принц.

Гарднер

Другой населённый пункт на железной дороге. Путь к нему через горы упоминается в связи с поездкой Джэпа Тейлора. Для жителей удалённых мест железнодорожные станции служат важнейшими точками выхода за пределы привычной округи.

Чикаго

Город прежней службы Брайана Кента. Здесь находится сберегательный банк «Эмпайр Консолидейтед», которым руководит Гомер Т. Уорд.

Чикаго связан с прошлым героя, его долгом и необходимостью отвечать за совершённые поступки. Поэтому город сохраняет влияние на жизнь Брайана даже тогда, когда сам он находится далеко от него.

Сент-Луис

Город, связанный с жизнью Марты Кент и компанией отдыхающих в клубном доме. Он также появляется на железнодорожном пути тётушки Сью в Чикаго.

Цинциннати

Место, связанное с обучением Бетти Джо в коммерческом колледже. Приобретённые там деловые навыки получают практическое применение в работе над рукописью Брайана.

Буэнос-Айрес и Аргентина

Далёкое пространство семейной истории тётушки Сью, связанное с её братом Джоном. Письма и деньги соединяют этот удалённый мир с маленьким домом в Озаркских горах и оказываются существенными для судеб героев.

География романа постепенно складывается вокруг одного центра — дома у реки. К нему ведут горные дороги, железнодорожные маршруты, письма издалека и человеческие судьбы. Но сама река продолжает путь за пределы знакомых холмов, оставляя повествованию ощущение открытого пространства и продолжающейся жизни.

Дорогая тётушка Сью,

Пока я писал эту простую историю о жизни и любви, много раз спрашивал себя: простите ли вы меня когда-нибудь за то, что я поместил вас в книгу? Надеюсь, простите, иначе у меня разобьётся сердце, а вы ведь этого не хотите, правда, тётушка Сью?

Мне так и слышится: «Но, Гарольд, как вы могли! Вы же знаете: я никогда не делала того, что вы заставили меня делать в вашей истории. Знаете, что я никогда не жила в маленьком бревенчатом домике у реки в горах Озарк! Что же подумают люди!»

По правде говоря, дорогая, мне не так уж важно, что они подумают, лишь бы полюбили вас. А это непременно случится, потому... ну, просто потому... Не забывайте и того, что восемнадцатого ноября вам исполнится восемьдесят семь лет, а значит, давно пора кому-нибудь поместить вас в книгу.

И потом, тётушка Сью, вы совершенно уверены, что никогда не жили в маленьком бревенчатом домике у реки? Совершенно уверены, тётушка Сью?

Простите мою дерзость, как всегда прощали мне всё, и любите по-прежнему: ведь я писал только из любви к самой дорогой тётушке Сью на свете!

Гарольд

Отель «Гленвуд-Мишн-Инн», Риверсайд, Калифорния, 30 апреля 1919 года.

Глава I. Удивительная женщина

Я помню первую встречу с тётушкой Сью так ясно, словно она произошла вчера.

Это случилось во время моего первого странствия по Озарку: однажды я случайно забрёл в окрестности Элбоу-Рок. Было это по меньшей мере за двадцать лет до событий моего рассказа. Она стояла в дверях своей маленькой школы, развалины которой до сих пор можно увидеть на полпути вверх по длинному склону от бревенчатого дома у реки, где прошла большая часть этой истории.

Стояла пора, когда золото и коричневые краски наших озаркских холмов подёрнуты тончайшей голубой дымкой и мир затихает в торжественной, нежной печали уходящего лета. Пожилая дама стояла в открытой двери деревенского храма науки; за ней — покрытый лесом, глубоко затенённый склон, впереди — грубая просека с кривой жердяной оградой, вдоль которой пламенел алый сумах. И я подумал тогда — и думаю поныне, спустя столько лет: такой женщины мне ещё видеть не доводилось.

Пятьдесят лет ушло на создание этого благородного характера, воздвигнутого на основании многих поколений достойных предков. Не имея ни собственного дома, ни детей, она отдала жизненную силу своего прекрасного женского существа обучению мальчиков и девочек. Старая дева — школьная учительница? Да, если угодно. Но когда я увидел её в тот день — высокую, стройную, в простом платье, подобавшем занятиям, — в осанке было столько царственного достоинства, величавой кротости, что я почувствовал себя нечаянно представшим перед особой королевской крови. Не перед королевской властью сословия, двора, положения с их блестящими притязаниями на превосходство и поверхностными знаками отличия. Я говорю об истинном величии, которому не нужны ни сословие, ни двор, ни положение: оно ощущается просто потому, что существует.

Сначала она меня не заметила: шум игравших во дворе детей заглушил шаги. Она смотрела далеко-далеко, поверх реки у подножия холма, поверх лесистых гор во всём коричневом и золотом великолепии, поверх необъятных озаркских гряд, увенчанных деревьями и уходивших волна за волной в голубую дымку, пока не терялись в безбрежном далёком небе. И что-то подсказало мне: в эту короткую передышку от трудов она смотрит дальше самого неба.

Чётко очерченный и тонко вылепленный профиль был прекрасен мягкой силой. Волосы — нежные, серебристые, как серый утренний туман над рекой. Потом она повернулась приветствовать меня, и я увидел глаза. Хотя я был тогда мальчишкой, не слишком склонным к серьёзным размышлениям, понял: высокая, неколебимая цель, любящее сочувствие и нежное понимание, сияющие в спокойной глубине этих глаз, принадлежат лишь тому, кто привык без страха смотреть за пределы земного. Только научившиеся заглядывать дальше вещественного горизонта нашего короткого дня обладают тем прекрасным внутренним светом, который сиял в глазах тётушки Сью, учительницы захолустной школы.

В Элбоу-Рок она приехала летом перед той осенью, когда мы встретились. Как говорила со своим очаровательным тихим смешком, стала слишком стара, чтобы приносить много пользы в больших школах густонаселённых мест. Но всё ещё слишком молода, твёрдо настаивала она, чтобы быть вовсе бесполезной.

Том Уорден жил сразу за гребнем холма от школы и был благословлён самой дородной женой, самым многочисленным семейством и самым внушительным хозяйством в округе. Родственники у него жили где-то в Иллинойсе. Через родню озаркского фермера мисс Сьюзен Уэйкфилд узнала о нуждах школы Элбоу-Рок и наконец приехала в горы. Влиятельный Том добился для неё скромной должности. Заботливая миссис Том устроила так, что у Уорденов она почувствовала себя дома. Дети Уорденов первыми называли её тётушкой Сью. Но сама

тётушка Сью завоевала столь большое место в сердцах простых горных жителей, что оставалась на должности год за годом, пока вовсе не прекратила преподавать.

Никто из озаркских друзей так и не узнал подробной истории этой удивительной женщины. Было известно лишь в общих чертах: родилась в Коннектикуте; где-то в южноамериканской стране живёт брат; ещё двое погибли на Гражданской войне; всю взрослую жизнь она учила младшие и средние классы государственных школ в разных местах. Знали также, что замужем она никогда не была.

— И это, — говорил дядюшка Лайдж Поттер, выражая единодушное мнение всей округи, — чертовски странно и совсем против природы, если подумать, какая она женщина.

Лем Джордан, живший тогда с четвёртой женой и потому имевший право на известную авторитетность, добавлял:

— Просто проклятый стыд, позор здешним мужчинам, коли поглядеть, на каких бабах они обычно женятся.

Другой предмет всеобщего и неослабного интереса — невиданное количество писем, которые тётушка Сью получала и писала. Некоторые послания их захолустной учительницы отправлялись мужчинам и женщинам столь известным, что имена знали даже в глухом озаркском краю. Это немало льстило ближайшим соседям и придавало ей в их глазах особое отличие.

На четвёртом году жизни среди мест, где разыгралась эта история, если память не изменяет, тётушка Сью вложила скромные трудовые сбережения в бревенчатый дом у реки и восемьдесят акров земли, известных как «старое место Билла Уилсона».

Дом был добротный: три комнаты, пристроенная кухня под односкатной крышей, веранда с видом на реку. Бревенчатый хлев, кроткий старый конь Принц и смиренная пёстрая корова Бесс завершали скромное хозяйство. Около тридцати акров расчистили и кое-как обрабатывали. Остальное занимал лес. Под добрым и опытным надзором Тома Уордена землю купили по пятнадцать долларов за акр. Но тётушка Сью всегда со смехом уверяла, что на самом деле заплатила пятьдесят центов за землю и четырнадцать с половиной долларов за закаты на каждом акре.

Пашню, кроме огорода, она отдавала в обработку за долю урожая, всё под дружеским попечением соседа Тома. Его мальчики в нужную пору ухаживали за огородом и следили, чтобы дров, готовых для печи, всегда было вдоволь. Помимо постоянной домашней помощи, руки находились и для любой иной нужды. Со временем во всём Элбоу-Рок почти не осталось мужчины, молодого или старого, который не почитал бы за честь время от времени что-нибудь сделать для тётушки Сью. Женщины и девушки с той же соседской заботой приносили из скромных домов знаки любви и внимания. Никто не уходил из маленького бревенчатого дома у реки без ощущения, что получил нечто от сереброволосой учительницы. Возможно, неосознанное, невыразимое словами, но оно обогащало жизнь простых горцев совершенно настоящей радостью и вполне ощутимым счастьем.

Шесть лет тётушка Сью преподавала в школе Элбоу-Рок. Утром поднималась от дома у реки к школьной хижине на просеке, а под вечер, закончив работу, спускалась извилистой дорогой домой и смотрела с веранды на закат. С каждым годом подниматься становилось немного труднее, рабочие дни — немного длиннее, спускалась она — немного медленнее. И с каждым годом закаты казались прекраснее, вечернее небо открывалось более глубоким смыслом, сумерки наполняли сердце более глубоким миром.

Наконец преподавательские дни закончились. То есть она больше не учила в бревенчатой школе на горной просеке. Но в маленьком доме у реки продолжала труд — уже не по учебникам, а так, как подобные души должны учить до последнего заката своих земных дней.

Изнурённые, огрубевшие от труда горянки-матери, чей тесный мир лишал их столь многих тонких мыслей и прекрасных вещей, приходили за советом к бездетной женщине, учились

понемногу искусству довольства и счастья. Сильные мужчины, грубые одеждой и речью, чья жизнь была сурова, как выростившие их холмы, а мысли нередко столь же неотёсаны, как полудикие, порой незаконные обычаи, приходили сидеть у ног кроткой женщины, встречавшей всех добрым участием и врождённым пониманием. Юноши и девушки, привлечённые её волшебством, доверяли тревоги и мечты той, что слушала с редким тактом и любовным сочувствием и в самом глубоком смысле была им всем матерью.

Не только горцы оставались её учениками. Письма, которые она продолжала писать, шли во все концы страны. И каждое лето, в разное время, на неделю или на месяц приезжали мужчины и женщины большого мира, нуждавшиеся в силе, мужестве, терпении, надежде, которые неизменно находили в бревенчатом доме у реки. Постепенно выяснилось: письма тётушки Сью идут тем, кого в детские школьные годы она учила первым буквам. А гости, многие из которых стали известны в мире железных дорог и городов, принадлежат к огромному кругу занятых людей, так и не переставших быть её учениками.

Поэтому огород немного расширили, к дому пристроили две комнаты, внесли другие скромные улучшения, чтобы разместить выросших мальчиков и девочек тётушки Сью во время приездов. Но наёмной прислуги не было никогда. Гости сами исполняли домашние обязанности: по словам тётушки Сью, это шло им на пользу и большей частью было именно тем, что им нужно.

Нужно сказать и следующее: среди многочисленных учеников, живших за горизонтом далёких голубых холмов, никто не знал истинной тайны её жизни и характера лучше, чем горцы Элбоу-Рок, среди которых она решила провести вечер своего дня.

Потом пришёл человек, узнавший тайну. Он узнал... но это и есть мой рассказ. Здесь я не должен открывать её.

Глава II. Человек во тьме

Человек стоял у окна и смотрел в ночь. В комнате не горел свет. Звёзды скрывались за плотным занавесом хмурых облаков.

Дом был скверно построен, давно запущен — обычный для старых речных городков, которые за долгие годы бесполезного существования потеряли гражданскую гордость и похоронили самоуважение в собственной грязи и убожестве. Над ненадёжным дощатым тротуаром тусклый свет закопчённого керосинового фонаря освещал грязную, едва разборчивую вывеску: гостиница.

Несмотря на темноту, человек у окна видел реку. Деревья противоположного берега казались призрачными тенями перед мрачными громадами невысоких холмов, поднимавшихся от воды в угрожающее небо, — смутных, таинственных, нереальных. Более высокие горы, вздымавшиеся вершины за холмами, оставались невидимы. Река угрюмо неслась сквозь ночь, неудержимый поток мрачной силы. Словно замутнённая погибшими душами, потерянными надеждами и разбитыми мечтами, она годилась лишь для судов, гружённых горем, несчастьем и отчаянием.

Человек у окна держался так, будто его звал печальный дух этого унылого вида. Опустив голову, чуть повернув лицо в сторону, напряжённо слушал, как слушают неясные, заглушённые голоса. Прижимался лицом к стеклу и напрягал глаза, пытаясь лучше разглядеть призрачные деревья, тёмные холмы и угрюмую реку. Трижды отходил и мерил шагами тёмную комнату, и каждый раз ноги снова приводили к окну, словно повинуюсь настойчивому зову. На четвёртый раз отвернулся быстрее, жестом выразив решительное согласие.

Мёртвую тишину нарушил треск спички. Вспышка пронзила темноту. Поднося к фитилю лампы на дешёвом старом комоде крошечный колеблющийся огонь, человек так дрожал рукой, что стекло задребезжало о проволочные стойки горелки. Он быстро отвернулся от зажжённой лампы, метнулся к окну и рывком опустил старую рваную штору. Обернулся, встал спиной к стене, обшарил комнату широко раскрытыми, испуганными глазами. Кулаки сжаты. Грудь тяжело вздымалась от затруднённого дыхания. Лицо дёргалось. С дрожащими ногами и судорожными мышцами он пригнулся, как отчаявшееся существо, загнанное в угол.

Но кроме самого несчастного в убогой комнате с тусклыми обоями, грязным ковром и скудной мебелью не было ничего живого.

Вдруг человек засмеялся — безрассудным, отчаянным смехом души, чувствующей, что соскальзывает с края бездны.

Поспешно, протянув руки, он пересёк комнату и схватил бутылку виски, стоявшую рядом с лампой. С дрожащей жадностью налил полстакана красноватой жидкости. Выпил, как умирающий от жажды. Глубоко вдохнул, с кривой улыбкой покачал головой и хрипло, доверительно сказал отражению в тусклом зеркале:

— На этот раз чуть не схватили.

Снова налил, выпил.

Виски на время успокоило его. Не выпуская бутылки и стакана, он критически оглядел себя в зеркале.

Выпрямись он, обладай бодростью, положенной по возрасту, ростом был бы чуть меньше шести футов. Но от природы широкие плечи обвисли, изнурённые чрезмерным потаканием плоти; впалая грудь, исхудавшие руки и ноги, унылая поза измученного тела придавали по меньшей мере внешность жалкого слабака. Одежда из хорошей ткани, отлично сшитая, была отвратительно грязной и запущенной; ботинки покрыты толстым слоем засохшей грязи, некогда белая рубашка небрежно распахнута у горла, ни воротничка, ни галстука. Из зеркала несо-

мненно смотрело лицо джентльмена, но широкий лоб под неопрятными рыжевато-каштановыми волосами избородила тревога; небритые щёки впали и покрылись складками; красиво очерченный, чувствительный рот опустился в нервной слабости; правильно посаженные голубые глаза налились кровью, сверкали близким безумием.

Бедняга смотрел на страшное отражение своего разрушенного существа, словно зачарованный ужасом совершившегося. Медленно, как в забытии, подошёл ближе и, не отрывая взгляда, поставил бутылку и стакан на комод. Подчиняясь горящим, неподвижно глядящим глазам, наклонился к стеклу ещё ближе. Искажённые черты нелепо задёргались от неуправляемых чувств, дрожащие губы складывали слова, не произнесённые даже шёпотом. Дрожащими пальцами он ощупал небритые щёки, вопросительно коснулся спутанных волос. Вдруг, словно стараясь заслониться от ужаса увиденного, спрятал лицо в ладонях и с невнятным рыдающим криком опустился на пол.

Безмолвно, с беспощадной силой река неслась сквозь ночь по назначенному пути к могучему морю.

Словно вновь позванный тёмным духом, витавшим над угрюмым потоком, человек тяжело поднялся. Лицо опять повернулось к окну. Он постоял, слушая, слушая, потом круто обернулся к бутылке и стакану, быстро налил и выпил.

Кивнув, как человек, принявший решение, медленно оглядел комнату. Черты исказила страшная усмешка безнадёжного, отчаянного торжества. Губы шевелились, словно бросая безрассудный вызов невидимому собранию призраков.

Теперь он двигался решительно, целеустремлённо, обнаруживая врождённую силу характера. Быстро уложил в чемодан одежду из комода и шкафа. Уже закрывал его, когда вдруг остановился, пожал плечами, отвернулся. Потом, словно вспомнив другое, снова склонился и вытащил свежую, непечатую бутылку виски.

— Пожалуй, ты — единственный багаж, который понадобится там, куда я иду, — причудливо сказал он. Оставил чемодан раскрытым, пересёк комнату, погасил свет. Осторожно отпер дверь, открыл. Постоял, прислушиваясь. Потом, скрыв бутылку под пиджаком, неслышно вышел.

Через несколько минут стоял на речном берегу во тьме. Позади очертания разбросанных домов городка терялись в сумраке склона. От призрачных деревьев противоположного берега торжественные холмы поднимались из более глубокой тьмы низин, окаймлявших реку мрачной тайной. В тяжёлых облаках не было ни разрыва для дружеской звезды. Ни звука, кроме мягкого плеска у берега, писка птицы в соседних ивах, редкого всплеска рыбы или водяного зверька. Но человек ощущал звук. Одинокий человеческий обломок слышал зов реки — страшный, неотступный.

Из-под чёрной стены ночи ужасный поток вырывался из Неведомого своего начала. Мимо человека река проносила мощь с неудержимой, плавной, страшной силой. В темноту уходила по грозному пути к Никуда своего конца. Неисчислимые века текла она между стенами холмов. Неисчислимые века впереди, до конца самого времени, будет проносить силы мимо места, где стоял человек.

Голос реки позвал из ночи, пока он стоял у окна тёмной комнаты. И теперь он пришёл ответить. Осторожно спускался к тёмной кружащейся воде. Намерение было несомненно. Никакого колебания. Решение принято. Он знал, зачем пришёл.

Ступни уже чувствовали прибрежную грязь, когда ноги коснулись чего-то и низкое бряцание испугало его. Потом вспомнил. Здесь привязана лодка; он задел цепь, тянувшуюся от носа к ивовому пню выше по склону. Он видел лодчонку перед закатом — грубую плоскодонку, которую здешние жители называли джонботом. Но, идя на зов реки, о лодке не думал и, занятый своим, не заметил её, почти невидимую во мраке. Машинально наклонился, свобод-

ной рукой нащупал цепь. Через мгновение осторожно поставил бутылку в лодку и отвязывал цепной причал от пня.

— Почему бы и нет? — сказал себе. — На середине легче. И вернее.

Осторожно, чтобы не нарушить тишины, уложил цепь на носу, развернул лодку по направлению от берега. Держась за борта, перенес вес на одно колено у кормы, свободной ногой сильно оттолкнулся от суши и оказался далеко от берега. Когда толчок иссяк, сильное течение подхватило лодку и закружило вниз по реке.

Ощупью найдя виски, он выковырнул пробку перочинным ножом, пил долго, жадно.

Город, кроме единственного огонька, уже исчез в ночи. Пока он смотрел на красную точку на чёрной стене, течение пронесло лодку за излучину, и свет пропал. Страшная тайна реки сомкнулась вокруг. Мир людей далеко, очень далеко. Сотни лет назад он стоял перед зеркалом и послушался голоса, позвавшего во тьму. Теперь воображение рисовало пустую лодку, уносимую всё дальше. Среди каких пейзажей поплывёт? В какую гавань приведёт таинственная воля реки? Какой конец встретит в беспомощности?

А сам человек — человеческая ладья души — что ждёт его? Как оттолкнул он вещественную лодку от берега, предоставив беспомощно плыть без управления, так скоро оттолкнёт себя от берега всего, что люди зовут жизнью. Среди каких видов поплывёт? В какую гавань унесёт воля страшного невидимого потока? Какой конец найдёт беспомощным?

Он снова выпил. И снова.

Потом, подняв лицо к свинцовым облакам, громко засмеялся. Смеялся, пока призрачные берега не отозвались эхом и ночные голоса не замерли.

Смех закончился диким, безрассудным, вызывающим криком.

Вскочив в плывущей лодке, он погрозил тьме сжатым кулаком и в безумной ярости проклял оставленную жизнь.

Течение развернуло лодку, и он оказался лицом вниз по реке. Снова засмеялся и, высоко подняв бутылку, произнёс безрассудный, богохульный тост за неизвестность, к которой река несла его сквозь ночь.

Глава III. Письмо не пришло

Маленький бревенчатый дом тётушки Сью стоял примерно в пятистах ярдах от реки, на уступе у подножия Школьного холма. Отсюда земля полого спускалась к высокому отвесному берегу, недоступному воде даже в половодье. Извиваясь вниз по холму, дорога у конца крутого спуска поворачивала направо и уходила вверх вдоль реки. Между дорогой и рекой, выше дома по течению, лежал огород.

В дальнем от дома нижнем углу огорода сильное течение глубоко врезалось дугой в высокий берег и образовало заводь. При обычном уровне воды с одной стороны её окаймляла узкая полоска земли между водой и подножием основного берега. Грубые ступени спускались из огорода к этой естественной пристани — единственному месту на стороне тётушки Сью, где на три мили вверх и вниз можно было выйти из лодки на сушу.

С веранды, если смотреть вверх по реке, были видны пологий огород, заводь под высоким берегом и прекрасный водный простор Излучины. Широкая плавная дуга в миле от дома терялась за лесистым обрывом. Там во время отпусков или охотничьего сезона порой поднимался дым из каменной трубы клубного дома, построенного людьми из большого шумного города, далёкого от мирных озаркских мест. На противоположном берегу Излучины, выше дома тётушки Сью, за прибрежными ивами, низкая пойма тянулась на три четверти мили к подножию густо заросшего хребта, за которым поднимались более высокие холмы. Но прямо напротив дома хребет резко сворачивал к реке. А менее чем в четверти мили ниже могучий горный отрог вытягивался от плеча Школьного холма, будто желал преградить путь воде. Образованный им высокий утёс здешние жители называли Элбоу-Рок — Локтевая скала.

Спокойные воды Излучины двигались так плавно по широкому ложу, что с веранды течение почти не различалось. Но перед бревенчатым домом, где берега сжимали реку, ленивый поток просыпался и ускорялся. Взглянув вниз, можно было увидеть, как вода оставляет широкие тихие плёсы и мчится всё быстрее между сужающимися берегами, пока всей свирепой мощью не ударяет в утёс Элбоу-Рок. Там, кипя и мечась в безумной ярости, с рёвом поворачивает под прямым углом, огибает мыс и снова выходит на спокойный участок. Немало рассказов о захватывающих приключениях и трагических случаях было связано с этим опасным местом на пути реки к морю. Опытные речники, удерживая джонботы и каное у дальнего берега, проходили пороги благополучно. Но ни одна лодка, попавшая в свирепую хватку главной струи между относительно тихой Излучиной и ревущим хаосом у скалы, не уцелела.

Летний день клонился к вечеру. По привычке тётушка Сью стояла на веранде и смотрела на закат. На огромном небесном поле над мягко округлыми холмами не было ни облачка. Ни ветерка в листьях бескрайних лесов, ни ряби на сияющей Излучине, отражавшей зелёные берега с деревьями и горы в голубых тенях. Сквозь тишину, с другой стороны реки, из-за поймы, слабо доносилось протяжное «У-у-и! У-у-и!»: фермер Джексон созывал свиней. С холма за домом звучал глубокий мягкий звон коровьего колокольчика: скот соседа Тома возвращался с лесного выпаса. Стайка ворон неторопливо перелетела реку к вечернему сборищу. Водоплавающая птица медленно взмахивала крыльями вверх по течению. Ласточки то кружили изящными кольцами над блестящей Излучиной, то молнией ныряли к серебряной поверхности. Голубизна гор густела до пурпура, розовый свет из-за западных холмов заливал небо; серебряное сияние воды менялось вслед за небесными красками. Тени прибрежных деревьев углублялись, пока линия берега не исчезла в надвигавшихся сумерках.

Как река отражала небесный свет и цвет гор, так кроткое лицо седоволосой женщины, смотревшей с любовным благоговением, отражало красоту мира. Мир и покой вечера её жизни были подобны тихой прелести сумеречного часа.

И всё же в одиночестве стройной фигуры чувствовалась трогательная печаль. Порой она прижимала тонкие руки к груди, словно от слишком пронзительной сладости чувств; глаза светились нежнейшими воспоминаниями и драгоценными мечтами. Несколько раз поворачивала голову, оглядывалась, будто хотела с кем-то разделить волновавшую красоту. Наконец позвала. В тихом, чистом голосе было то же, что в свете её глаз.

— Джуди! Милая Джуди! Иди же, посмотри, какое чудесное, чудесное небо!

Из дома ответил пронзительный, ворчливый, протяжный голос, столь характерный для бедных белых горцев Юга:

— Чего-о?

Быстрая улыбка углубила морщинки у глаз тётушки Сью. Она снова позвала с ласковым терпением:

— Иди полюбуйся закатом, дорогая! Так красиво!

На этот раз Джуди появилась в дверях.

По виду несчастной можно было дать от пятнадцати до тридцати пяти: искривлённое, уродливое, угловатое, жёсткое тело, тощая перекошенная шея, старое-молодое, худое желтоватое лицо с чёрными, как бусины, настороженными глазами не выдавали возраста. Мне же случилось знать, что Джудит Тейлор, дочери печально известного озаркского самогонщика Джэпа Тейлора, едва минуло двадцать в год, когда она поселилась у тётушки Сью.

Искоса глядя на пожилую даму со странной смесью вызова, подозрения и привязанности на почти злобном лице, Джуди протянула:

— Меня звали?

— Да, Джуди. Хочу, чтобы ты помогла мне смотреть закат, — оживлённо ответила тётушка Сью и указала на сияющий запад. — Смотри!

Лукавые, уклончивые глаза Джуди продолжали изучать озарённое лицо старшей подруги.

— Не думаю, что вам больно нужна помощь, раз всё время на него смотрите, — ответила она сухим, высоким, однообразным голосом. — Поглядеть — вы уж достаточно взрослая, чтоб и одной справиться.

Тётушка Сью тихо, музыкально засмеялась и с любящей нетерпеливостью возразила:

— Но разве ты не понимаешь, дитя? Разделить такую красоту — прибавить счастья. Когда кто-то радуется рядом, всё становится так... так... больше! Иди, милая!

Она протянула руку с умоляющим жестом; на дорогом старом лице было желание, перед которым не устоял бы никто.

Всё ещё хитровато наблюдая, Джуди осторожно приблизилась. Тётушка Сью нежно обняла кривые плечи, вновь указала на запад и тихо, с дрожью чувства сказала:

— Смотри, Джуди! Смотри!

Чёрные глаза сдвинулись; старое-молодое, ничего не выражавшее лицо повернулось к чудесной красоте пылающего неба, цветных гор, сияющей реки. Пожалуй, в ворчливом однообразном голосе появилась едва заметная мягкость:

— Не вижу, куда уж больше. Да и зачем больше, кабы можно было. Бог знает, и так хватает. И ухабов хватает — сами бы узнали, кабы пришлось всю жизнь по тем горам таскаться, как мне.

— Но разве сегодня не чудесно, Джуди? Кажется, никогда не было так совершенно.

— Всё как всегда, по мне. Разве весной река выше и грязнее, — ответила девушка. — Я родилась там, по ту сторону плоской горы, возле устья Ред-Крик. Почти на реке выросла; плавать да лодкой править научилась раньше, чем себя помню. Ред-Крик начинается за тем длинным хребтом, в Индейской лощине. Там винокурня...

Она вдруг осеклась, испуганно покосилась на тётушку Сью, потом повернулась и показала в другую сторону с притворным оживлением:

— Вон туда поглядите, мэм! Какая чёрная старая река, где в Элбоу-Рок бьётся, и какие белые волны, где кипит и мечется. Попадись туда в джонботе — наверняка утянёт, верно? Послушайте! Ревёт, будто взбесилась. Слышите?

Но пожилая женщина опять обернулась к тихой Излучине.

— А мне больше нравится Излучина, Джуди. Посмотри, как совершенно отражаются деревья и холмы, как вода хранит цвет неба. Правда, Бог добр, раз создал для нас такой прекрасный мир?

— Прекрасный! — вскричала бедная искалеченная Джуди с пронзительной злобой. — Если Бог есть, как вы вечно говорите, если он и вправду всё создал, как вам кажется, со мной-то он обошёлся нечестно!

— Тише, Джуди, — взмолилась тётушка Сью. — Пожалуйста, не надо, дитя.

Но горянка бунтовала:

— Посмотрите на меня! Только посмотрите! Коли ваш Бог такой добрый, чего позволил отцу напиться, избить меня младенцем, чтоб я выросла вся кривая? Добрый? К чёрту! Дрянной, проклятый Бог — вот как я его зову!

Некоторое время тётушка Сью молчала, подняв лицо к небу. Потом тихий ласковый голос опять нарушил тишину:

— Смотри, дорогая: свет почти погас, а ни облачка нигде. Вчера вечером, помнишь, заката вовсе не увидели — такие густые, сплошные были облака. Сегодня луна будет прекрасна. Пожалуй, подожду её.

— Тогда лучше сядьте, — снова протяжно проворчала Джуди. — Принесу кресло.

Она принесла с другого конца веранды удобную деревенскую качалку, исчезла в доме, через мгновение вернулась с тяжёлой шалью.

— Солнце совсем село, сейчас холод пойдёт. Нельзя вам мёрзнуть.

Тётушка Сью кротко поблагодарила. Подняв руку, поймала ладонь девушки, неловко укладывавшей шаль на худые старые плечи.

— Принеси и себе стул, посиди со мной, милая.

Она ласково погладила твёрдую костлявую руку.

Джуди грубо выдернула ладонь:

— Ни к чему так со мной. Посижу, только стул не нужен.

И села прямо на пол, спиной к стене.

Последний вечерний свет ушёл. Над землёй легла мягкая темнота ясной звёздной ночи. Нежный ветер проскользнул через горы, тихо зашелестел в лесу, пересёк реку и коснулся серебряных волос тётушки Сью.

Первой нарушила молчание Джуди:

— Видела, сосед Том нынче к вечеру целую кучу писем принёс, — с любопытством сказала она.

В ласковом голосе тётушки Сью прозвучала тревога:

— Из банка письма не было, Джуди.

— Не было?

— Нет. Почти четыре недели прошло, как я послала деньги. Не понимаю.

— Я ещё тогда боялась: не надо бы простым письмом. Больно много денег доверять этим почтовым негодникам, пусть даже деньги чудные, новомодные. Взять хоть старого Тода Стимсона на Переправе: этот дьявол украдёт всё, что не слишком тяжело поднять.

— Это были аргентинские банкноты, Джуди. Я была уверена, что всё в порядке: брат Джон прислал их обычным письмом из самого Буэнос-Айреса. И помнишь, я завернула в очень плотную бумагу, вложила в два конверта, один поверх другого, и сама отправила в Томпсон-вилле.

— Так-то должно быть надёжно, коли не на Переправе отправляли, где старый Стимсон лапы запустить может, — согласилась Джуди.

Через несколько минут молчания добавила утешительнее:

— Думаю, всё будет ладно, мэм. Я бы не тревожилась. В банк тот, поди, уйма писем идёт. Понятное дело, всем разом ответить нельзя.

— Конечно, — согласилась тётушка Сью. — Просто задержка с подтверждением, только и всего. Может, ждут, пока выяснят, настоящие ли банкноты. Или их письмо ко мне заблудилось: вернётся, и придётся посылать заново. Уверена, через несколько дней получу ответ.

Так они говорили, пока из-за тёмных гор, силуэтами вставших перед её светом, не появилась луна. Глядя, как царица ночи всё выше поднимается царственной дорогой и сумрачный пейзаж превращается в сказку неземной красоты, тётушка Сью забыла о непришедшем письме.

С неизменным воодушевлением сереброволосая учительница пыталась передать девушке из глуши частицу богатства своего взгляда. Но хотя они смотрели на один пейзаж, двадцатилетние глаза не видели того, что так ясно видели семидесятилетние. Бедная Джуди! Река, извилисто текущая среди холмов от далёких родников к океану последнего устремления, во всех настроениях и переменах, во всей красоте и неудержимой силе никогда не могла значить для неё то, что значила для тётушки Сью.

— Для охоты на опоссумов ночь самая подходящая, — наконец сказала девушка, поднимаясь и стоя в своей искривлённой позе, с головой, склонённой перекошенной шеей. — Джексонеры парни наверняка пойдут.

Тётушка Сью тихо засмеялась.

От лесной опушки за пойменными полями на другом берегу донёсся лай гончих.

— Уже там, — сказала Джуди. — Слышите? Биллингсы, что напротив клуба, тоже, верно, вышли. В лунную ночь они всегда за опоссумом да енотом. В тёмную — рыбу с острой быт. Ну, пойду я, мэм, — заключила зевая. — Не вижу смысла сидеть, когда делать нечего, только спать.

Неловко ответив на пожелание доброй ночи и сладких снов, горянка ушла в дом.

Ещё час пожилая дама сидела на веранде бревенчатого дома у реки и смотрела на лунный мир. Теперь она не жаждала общества, как при закате. Духом была далеко от земных нужд и забот, там, где никакая тревожная мысль не нарушала безмятежного покоя, а дорогие мечты были явью. Не пришедшее письмо забылось.

Глава IV. Воля реки

Останься тётушка Сью в тот вечер на веранде на несколько минут дольше, она могла бы увидеть нечто, плывущее вниз по мягкому течению Излучины.

Плавно огибая поворот выше клуба, предмет сначала скрывался бы в глубоких тенях отражённых деревьев и гор. Но постепенно вышел бы из них на более широкий, открытый луне простор. Приближаясь в ярком свете, скоро принял бы для наблюдателя с веранды форму лодки — пустой лодки, решил бы тот, сорвавшейся с причала где-то выше. И сквозь тихий ночной воздух наблюдатель услышал бы тяжёлый глухой рёв безумных вод у Элбоу-Рок.

Так беспомощно отдавшись главному течению, судёнышко, казалось, было обречено. Оно мягко проплывёт по спокойной лунной Излучине. Перед домом двинется всё быстрее. Там, где река сужается, могучие руки, скрытые под потоком, схватят и повлекут ещё стремительнее. Вокруг будут прыгать и кипеть бешено несущиеся воды, трясти и швырять беспомощную жертву своей свирепой власти, не оставляющей спасения. Наконец, в высшей точке речного безумия, предмет гневной игры ударится об утёс; страшный вес потока разорвёт, раздавит, расплющит его о каменную наковальню, превратит в бесформенные обломки.

Лодка приближалась. Достигла места, где изгиб дальнего берега сжимает реку в узкий бег порогов. Начала чувствовать усиливающуюся тягу невидимых рук, так легко пронёсших её по Излучине. И тут... тут беспомощное, неуправляемое судёнышко отозвалось на мягкое давление завихрения или поперечной струи и чуть отклонилось. Через несколько футов новое движение усилилось. Легко уступив течению, нежно тянувшему через невидимую границу между безопасностью и гибелью, лодка повернула к берегу. Ещё минута — и всплыла в береговую дугу, где круговорот заводи закружил её.

Она словно колебалась. Останется ли в безопасной гавани, куда привело дружелюбное течение? Или снова выйдет на главную струю — к собственной гибели?

Трижды нос, направленный из заводи, пересекал черту опасности и на мгновение завис у самого края. Трижды невидимые руки мягко возвращали его в безопасность. Наконец лодчонка, такая одинокая и беспомощная среди многочисленных течений великой реки, успокоилась у узкого уступа под берегом, ниже огорода тётушки Сью.

Свет в окне её комнаты погас. Мягкое лунное сияние заливало горы, долину, реку. Безумная вода ревела в дикой ярости у Элбоу-Рок. Всегда, всегда, неудержимо, неизбежно, неустанно река несла свою силу к морю.

Глава V. Тётушка Сью узнаёт джентльмена

На следующее утро, прежде чем солнце поднялось над Школьным холмом, Джуди вышла накопать картофеля.

Скоро должны были прийти мальчики Тома Уордена, выкопать весь урожай и убрать в погреб на зиму. Но спешить пока не требовалось: придут, когда удобнее. А до тех пор Джуди ежедневно копала столько, сколько нужно кухне бревенчатого дома. Несмотря на бедное искривлённое тело, горянка была сильна, привычна к тяжёлой работе, и лёгкое дело её не тяготило.

Как бывает, впервые выйдя утром из дома, она остановилась оглядеться. Ещё вчера ясное, светлое небо стало сияюще-серым. Горы исчезли в призрачном мире тумана, по которому река двигалась в крадущемся безмолвии — тусклая тайна с редкими серебряными бликами на затуманенной поверхности. Тополя и ивы другого берега были лишь снами о деревьях: серыми, бесформенными, странными. Воздух наполнился сырым запахом земли. Тяжёлый громовой рёв бесконечной войны вод у Элбоу-Рок звучал громче, грознее и всё же нереально, словно сам туман наполнился угрозой.

Для Джуди утро было только началом очередного дня. Она смотрела, но не видела. Многочисленные переменчивые настроения природы ничего не значили. С корзиной в руке она спустилась к нижнему краю огорода, где копала прежде и оставила воткнутые в землю вилы.

Несколько минут хватило наполнить корзину. Но перед возвращением девушка снова остановилась поглядеть на реку. Может, побудило смутное воспоминание о вчерашнем разговоре с тётушкой Сью, может, неясный тёмный инстинкт. Что бы ни было причиной, Джуди оставила корзину и подошла к краю высокого берега над заводью.

В следующий миг с быстротой дикого существа родных горных лесов отскочила, пригнулась к земле, прячась от увиденного внизу. Каждое движение искривлённого тела выражало изумление и страх. Глаза были дикими, возбуждёнными. Она осторожно оглянулась, высматривая опасности в тумане. Однажды открыла рот, словно хотела позвать. Приподнялась, будто намереваясь бежать к дому. Но любопытство, видимо, победило. Легла плашмя, поползла к краю. Осторожно, бесшумно заглянула сквозь высокую траву и сорняки над заводью.

Лодка, которую добрый порыв реки так мягко отвёл от сильной струи, несущей к верной гибели у Элбоу-Рок, по-прежнему упиралась носом в берег, куда прижала её круговая вода. Но Джуди испугал человек, лежавший, по-видимому, без сознания на мокрых грязных досках днища.

Затаив дыхание, она ждала движения. Грязная, скорченная груда несчастной человеческой плоти была так неподвижна, что нельзя понять: жива или мертва. С опаской Джуди отметила: ни вёсел, ни ружья, ни рыболовных снастей. Шляпы нет. Одежда в грязи, сбилась. Лицо не видно.

Отползла, осторожно огляделась. Подняла тяжёлый ком земли со вспаханного края огорода, снова пригнулась у обрыва, готовая бежать, и бросила в воду рядом с лодкой. От всплеска неподвижное тело не дрогнуло. Выбрав ком поменьше, она швырнула на корму. Он рассыпался. Фигура чуть шевельнулась.

— Живой, точно, — сказала Джуди себе, удовлетворённо ухмыльнувшись результату исследования. — Только вставать давно пора.

Выбрала ком ещё меньше и прицельно бросила в человека. Попала в плечо. Он беспокойно зашевелился, пробормотал неслышное и наполовину повернулся на спину, открыв измождённое небритое лицо. В руке девушка увидела зажатую пустую бутылку виски.

При виде бутылки встала и понимающе засмеялась.

— Чёрт! Пьяный, только и всего. Мертвецки. Уж я-то его разбужу.

Со злорадной усмешкой начала забрасывать лодку комьями, пока мужчина не сел и не посмотрел вверх в растерянном недоумении.

— Скажите, пожалуйста, — хрипло обратился он к желтоватому старому-молодому лицу наверху, — какой из дьявольских бесов вы будете?

Увидев поднятое лицо, Джуди перестала ухмыляться.

— Я уж думала, вы мёртвый, — объяснила она.

— Что ж, — устало ответил человек, — уверяю: если разочаровал, ничуть не по своей вине. Мне не менее досадно, чем вам. Впрочем, не думаю, что я настолько жив, чтобы это существенно что-то меняло.

Он поднял бутылку и задумчиво рассмотрел.

— Ещё бы немного, совсем живого не осталось бы, — заметила девушка.

— Да? — вопросительно сказал он.

— Ага. Ещё как близко подошли. Унеси лодку к Элбоу-Рок, вместо того чтобы попасть сюда в заводь, сейчас бы уж с дьяволом говорили.

Глядя в туман над рекой, он пробормотал:

— Похоже, даже умереть удачно не могу.

Опять с нарочитым интересом рассмотрел пустую бутылку, бросил в реку и снова поднял глаза.

— Послушайте, сестрица, — нервно сказал он. — Здесь где-нибудь можно купить выпить? Мне довольно сильно нужно. Где я вообще?

— У тётушки Сью. И выпивки вам тут никак не достать. Сами-то откуда? Как приплыли без вёсел, без ничего? Куда направлялись?

— Вопросы, добрая девушка, несущественны и к делу не относятся, — ответил он. — Главный вопрос, требующий обсуждения: как мне выпить? Мне необходимо выпить, слышите? — Он поднял руки, трясшиеся, словно при параличе. — И чертовски быстро!

— Ишь какими большими словами говорите, — с оценивающим интересом сказала Джуди. — Должно быть, учёный. Тётушка Сью тоже...

— Кто такая тётушка Сью? — перебил мужчина.

— Не знаю. Просто тётушка Сью, только и знаю. Она такая...

Он снова перебил:

— Полагаю, мне стоит побеседовать с вашей достойной тётушкой.

Неуверенно поднимаясь, продолжил вполголоса:

— Вы, кажется, не понимаете положения. Если скоро не получу какого-нибудь спиртного, непременно что-то случится.

Он попытался шагнуть на берег, но лёгкая плоскодонка качалась, сам он едва держался. В результате оказался наполовину в воде, наполовину на грязном берегу, где беспомощно барахтался. Ослабев, совсем соскользнул бы в реку, если бы Джуди не бросилась вниз по грубым ступеням.

С удивительной при её кажущейся немощи силой она подхватила незнакомца под плечи и буквально выволокла. Помогла встать, затем с весёлым любопытством оглядела жалкий предмет своего благодеяния.

Спутанные волосы, небритое измождённое лицо, налитые кровью глаза, неряшливая одежда делали его отталкивающим ещё в лодке. Теперь, мокрый, в грязи, он был вдвойне смешон. Усмешка возникла на непривлекательном лице спасительницы.

— Будь я проклята, ну и вид у вас, мистер! — сказала она с излишней откровенностью.

Дрожа, словно в лихорадке, он посмотрел на кривое тело, перекошенную шею, желтоватое старое-молодое лицо смеявшейся девушки. В красных глазах сверкнул язвительный юмор.

— Благодарю, — хрипло сказал он. — Вы и сами редкое видение, не правда ли?

Смех исчез, когда она поняла жестокие слова.

— Я красавицей себя не называла, — пронзительно протянула Джуди. — Только одно скажу: такими, как я есть, сделали меня Всемогуший да пьяный отец. А вы, проклятые, сами себя таким сделали!

При неграмотных, полных смысла словах горянки лицо и манера мужчины удивительно переменились. Даже голос на мгновение потерял хрипоту, зазвенел искренним чувством. Удержав равновесие, он почтительно поклонился:

— Прошу прощения, мисс. Это было недобро. Вам и вправду следовало оставить меня реке.

— Тогда точно утонули бы, — ответила она, несколько смягчённая действием своих слов.

— Что было бы так прекрасно, правильно и уместно, что, очевидно, не могло случиться. С циничным замечанием мимолётное самоуважение исчезло.

— Хотите сказать, утонуть хотели?

— Что-то вроде. — Потом в голосе и глазах мелькнула злость. — Но послушайте, девушка! Думаете, весь день буду стоять так и вести пустые разговоры? Где ваша тётка? Разве не видите: мне надо выпить?

Неуверенно направился к ступеням. Джуди взяла за руку, помогла одолеть крутой подъём. Часть пути он прополз на четвереньках. Несколько раз упал бы, не поддержи она. Наконец поднялись и остановились в огороде.

— Вон дом, — показала Джуди. — Только выпивки там всё равно, думаю, нет.

Он не ответил. Поддерживаемый девушкой, спотыкаясь, пошёл между грядками.

Почти добрались до ступеней у конца веранды, когда тётушка Сью вышла узнать, почему Джуди не возвращается с картошкой. На мгновение остановилась, испугавшись непривлекательного незнакомца в огороде. Потом с возгласом жалости поспешила навстречу.

Пока он ковылял, глаза были опущены. Лишь почувствовав, что Джуди остановилась, незнакомец поднял голову и увидел прекрасную пожилую даму.

— Джуди! — воскликнула тётушка Сью тихим сладким голосом, полным кроткой заботы. — Что же произошло?

На измождённом лице мужчины появились вопросительное недоумение и укор. Он тоже повернулся к девушке.

— Нашла его в лодке, которую ночью прибило в заводи, — объяснила Джуди тётушке Сью. Мужчине сказала: — Вот тётушка Сью, мистер. Только не думаю, что у неё выпивка есть.

— Выпивка? — переспросила тётушка Сью. — О чём ты, дитя? — И быстро незнакомцу: — Дорогой мой, вы насквозь мокрый. Должно быть, были в реке. Идёмте скорее, мы вам поможем.

С протянутыми руками она приблизилась.

Но несчастный отшатнулся, словно от страха. Всё тело тряслось, руки метались в умоляющем протесте. Глаза, поднятые к святому лицу старой дамы, принадлежали душе, погружённой в глубочайший ад стыда и унижения.

Потрясённая жалостливым ужасом, тётушка Сью остановилась.

Небритое измождённое лицо дёргалось от боли. Он кусал губы, перебирал пальцами дрожащий подбородок, тщетно пытаясь овладеть собой. Потом поднял взгляд, и запавшие красные глаза наполнились слезами, которые измученный дух не мог удержать.

Тётушка Сью отвернулась.

Немного они постояли так. Когда она снова повернулась, незнакомец крайним усилием воли на миг подчинил разбитые нервы. Выпрямился, встал перед ней устойчиво и высоко, поднял руку к непокрытой голове, словно собираясь снять шляпу. Не найдя шляпы, улыбнулся собственной оплошности.

— Мне очень жаль, мадам, — сказал он музыкально-чистым, образованным голосом. — Простите за беспокойство. Я не знал. Этой молодой женщине следовало объяснить. Понимаете, когда она сказала «тётушка Сью», я, конечно, предположил... то есть ожидал местную женщину, которая...

Он замолчал, опять улыбнулся, словно уверяя: сам вполне понимает комичность нелепого положения.

— Но, дорогой мой, — горячо сказала тётушка Сью, — прощать нечего. Войдите же, позвольте помочь.

Незнакомец отступил, печально качая головой.

— Вы не понимаете, мадам. Не одежда неприлична: я сам недостойн стоять перед вами, тем более входить в дом. Благодарю. Но должен уйти.

Он отворачивался, когда тётушка Сью подошла и легко положила кроткую старую руку ему на предплечье.

— Пожалуйста, сэр, войдите. Никогда не прощу себе, если отпущу вас таким.

Теперь голос стал хриплым и дрожал:

— Ради Бога, мадам, не трогайте! Отпустите! Вы должны! Я... я не в себе. Со мной вам может быть небезопасно. Спросите её — она знает!

Он повернулся к Джуди.

— Он верно говорит, мэм, — ответила девушка на вопросительный взгляд. — Отец у меня такой был, когда об стену швырнул, совсем младенцем. Оттого и выросла кривая да уродливая.

Один пристыженный взгляд на тётушку Сью — и бедняга опустил глаза. Голова поникла, плечи обвисли, всё тело словно сжалось. Печально отвернувшись, он опять пошёл к реке.

— Стойте! — властно прозвучал голос тётушки Сью.

Он остановился.

— Посмотрите на меня, — приказала она.

Медленно поднял глаза. Кроткая учительница теперь говорила с благородным пылом, но всё так же ласково:

— Это сущая нелепость, мальчик мой. Вы не причините мне вреда. Да просто не сможете! Конечно, вы не в себе. Но думаете, я не узнаю джентльмена, когда встречаю? Идёмте.

Она протянула руку.

Мгновение он смотрел с благоговейным изумлением. Потом чрезмерно истощённая сила изменила; измученные нервы отказались выносить больше, и он рухнул жалкой, съёжившейся грудой к её ногам. Спрятав лицо в дрожащих руках, зарыдал, как ребёнок.

Глава VI. В бревенчатом доме у реки

Кое-как женщины провели почти беспомощного незнакомца в дом. Тётушка Сью дала ночное бельё, оставленное гостем, и тактичными просьбами, разумными приказаниями убедилась лечь.

Потянулись дни и ночи изнурительного бдения. Иногда он лежал с закрытыми глазами, настолько слабый и истощённый, что словно отплывал от земного берега в глубокие воды широкого неведомого моря, куда в конце концов впадают все жизненные потоки. Но тётушка Сью всякий раз чудом удерживала. Бывали часы, когда по всем правилам следовало надеть смирительную рубашку: бред наполнял комнату ужасными тварями преисподней. Ухмыляющиеся бесы, мерзкие змеи, кривляющиеся обезьяны истязали его; неестественная сила становилась силой демона, измученные нервы кричали от боли. Но тётушка Сью упрямо пренебрегала правилами. Даже в самые страшные минуты среди адской толпы больного воображения он неизменно узнавал сереброволосую учительницу, ангела спасения. Кроткий голос всегда успокаивал, смирял. Он беспрекословно слушался и, как испуганный ребёнок, держался за руку, жалостно моля защитить и спасти.

Ни слова из невнятных обрывков, ни самый дикий бред не помогли тётушке Сью узнать, кто он. Она обыскала одежду — ничто не сообщило даже имени.

И всё же в первый день, когда Джуди хотела идти за помощью к соседу Тому, тётушка Сью сказала «нет». Даже строго запретила упоминать незнакомца, если заговорят с проходящими соседями.

— Река принесла его нам, дорогая. Мы должны спасти. Никто не узнает о позоре, чтобы не унижать, не ранить гордость, не тянуть вниз, когда он опять станет собой. Пока не поправится и не станет тем человеком, каким я его считаю, никто не должен видеть и знать, что он здесь. И никто никогда не должен узнать, как он попал к нам.

Поздно вечером, когда Джуди крепко спала, а мужчина после лихорадочного метания и бормотания лежал тихо, дорогая старая дама неслышно вышла в ночь. Её не было некоторое время. Вернувшись к постели, она тяжело дышала и дрожала, словно от непривычного усилия. На следующий день после полудня Джуди сообщила: лодки под огородом больше нет. Тётушка Сью просто сказала, что рада её исчезновению, и вновь предостерегла: о госте никому не говорить.

Когда девушка возразила: «Не к чему вам до костей изводиться, за такими ходить», тётушка Сью ответила:

— Тише, Джуди! Откуда знаешь, каков бедный мальчик на самом деле?

— Пустой, дрянной, никчёмный — вот какой, — отрезала Джуди. — Иначе не плавал бы в старом джонботе без ружья, без удочек, даже без шляпы, не говоря о пустой бутылке виски.

Тётушка Сью не ответила на суровый итог обвинительных улик. Оставила девушку и тихо подошла к постели гостя.

Примерно через час Джуди неслышно вошла и застала зрелище, от которого застыла с открытым ртом.

Мужчина спал. Сереброволосая незамужняя учительница сидела на краю постели, склонившись над бессознательным незнакомцем, и нежно гладила спутанные рыжевато-каштановые волосы, как мать ласкает спящего ребёнка. Потом, пока Джуди смотрела, затаив дыхание от изумления, гордая старая дама наклонилась ближе и коснулась лба губами — мягко, как розовым лепестком.

Поднявшись и увидев Джуди, тётушка Сью зарделась, глаза сияли. Жестом приказала молчать, и обе на цыпочках вышли. Осторожно закрыв дверь, она повернулась к онемевшей девушке с восхитительным вызовом, не вполне скрывавшим прелестное смущение.

— Я... я подумала, Джуди, как он... как он... мог бы быть... моим сыном.

— Сыном! — воскликнула Джуди. — Да вы, мэм, и замужем никогда не были, сколько слыхала. Или были?

Тётушка Сью гордо расправила тонкие плечи, подняла прекрасное старое лицо и с великолепным пылом ответила на вызов:

— Нет, не была. Но могла быть! А если бы была, полагаю, могла бы иметь сына. Разве нет?

Побеждённая Джуди отступила в безопасную кухню, опустилась на стул, сотрясаясь от смеха, который инстинктивно душила фартуком.

Пришёл день, когда слабый, измождённый борьбой мужчина взглянул на кроткую сиделку с ясностью разума в тёмно-голубых глазах. Усталые глаза, полные мучительных воспоминаний, а ещё — благоговейной благодарности и удивления.

Она улыбнулась с радостным торжеством, придвинула стул к постели, села и положила мягкую руку на его ладонь поверх покрывала.

— Сегодня вам гораздо лучше, — бодро сказала она. — Скоро совсем поправитесь.

Когда она заглянула в вопросительные глаза, ни в лице, ни в манере не было сомнения, притворства, упрёка — только доверие и любовь.

Он заговорил медленно, словно нащупывая слова:

— Я был в аду. Вы... вы вытащили меня. Зачем?

— Потому что вы мой, — ответила она с тихим смешком. Так хорошо после долгих часов борьбы слышать разумную речь!

— Потому что я ваш? — повторил он, недоумевая.

— Да, — сказала она с решительным собственническим оттенком. — Вы принадлежите мне. Видите ли, заводь, куда пришла лодка, моя собственность. Всё, что приносит река и что там остаётся, принадлежит мне. Всё, что она дарит, моё. Принесла вас, значит...

Она закончила смехом, полным нежной материнской тоски.

Голубые глаза мгновение улыбались в ответ, потом потемнели от мучительных воспоминаний.

— Ах да, река. Я хотел, чтобы она сделала кое-что для меня, а она... сделала совсем другое.

— Конечно, — горячо ответила тётушка Сью. — Река всегда такая. Всегда делает неожиданное. Как сама жизнь. Разве не видите? Начинается где-то далеко, маленьким родником, идёт, идёт, идёт. Тысячи других родников по всей земле рождают потоки, ручьи, притоки, которые вливаются, делают её всё больше. Она выётся, изгибается, петляет, пока не придёт к великому морю, где соединяется со всеми водами всех рек мира. И на всём многомильном пути от первого крошечного родника до моря нет даже двух футов совершенно одинаковых. За все века существования нет двух одинаковых часов. Бесконечное разнообразие дней и ночей, неба, света, облаков, рассветов, закатов. Бесчисленные, разные течения, мели, глубины, тихие места, опасные пороги, заводи. Вдоль берегов — бесконечная смена холмов, гор, низин, лесов, лугов, ферм, городов...

Она остановилась, переводя дыхание. Он молчал, лишь смотрел, и она продолжила:

— Понимаете? Конечно, река не может быть такой, какой ждёте. Как жизнь не может в точности совпасть с желаниями и мечтами.

— Кто же вы такая? — изумлённо спросил он. — И что делаете в этой глуши?

Она улыбнулась его недоумению.

— Я тётушка Сью. Я живу в этой глуши.

— А настоящее имя? Не скажете? Я должен знать, как обращаться.

— Меня зовут Сьюзен Э. Уэйкфилд. Мисс Уэйкфилд, пожалуйста. Восемнадцатого ноября исполнится семьдесят один. А вы зовите тётушкой Сью, как все.

— Уэйкфилд... Уэйкфилд... где я видел имя? — Лоб сморщился в попытке вспомнить.
— Уэйкфилд... уверен, где-то слышал.

— Весьма возможно, — легко ответила она. — Имя совсем не редкое. Теперь, когда меня как следует представили, не думаете ли...

Он помедлил, затем произнёс обдуманно:

— Меня зовут Брайан Кент.

— Ирландское имя, — быстро сказала она. — Потому волосы почти рыжие, а глаза такие голубые.

— Да. От матери. Пожалуйста, сейчас больше не спрашивайте: солгать вам не могу, правду не скажу.

Она опять увидела тёмные тени мучительных воспоминаний в голубых глазах.

Наклонившись, положила мягкую ладонь на лоб и убрала густые волосы. Дорогой старый голос звучал очень тихо и нежно:

— Милый мальчик, я никогда не спрошу большего. Река принесла тебя мне, ты мой. Сейчас ни о чём другом нельзя даже думать. Когда окрепнешь, будешь готов, поговорим о будущем. Но о прошлом ты...

В дверь гостиной громко постучали.

— Кто-то пришёл, — поспешно сказала она. — Мне пора. Лежи тихо, засыпай, как хороший мальчик, ладно?

Она быстро склонилась, и, прежде чем он понял, губы коснулись лба. Затем ушла. Ирландские глаза Брайана Кента наполнились слезами. Повернувшись к стене, он спрятал лицо в подушку.

Глава VII. Служители закона

Пока тётушка Сью осторожно закрывала дверь гостиной комнаты, из кухни вышла сильно взволнованная Джуди. Стук повторился.

— Шериф, мэм, — прошептала девушка. — Как раз шла сказать. В кухонное окно увидела. С ним ещё двое. Лошади у ограды привязаны. Что, к чёрту, теперь делать? Наверняка за тем, в комнате!

Лицо тётушки Сью побелело, губы дрогнули — лишь на мгновение.

— Возвращайся в кухню и оставайся там, — шёпотом велела она и открыла входную дверь так спокойно, словно ничего необычного не случилось.

Шериф Нокс был большим человеком, с прямой добродушной манерой и голосом, которому закрытые двери нипочём. Сердечно ответил на приветствие и с одним из спутников — спокойным, делового вида джентльменом — принял радушное приглашение войти. Третий остался у лошадей возле калитки.

— Ну, тётушка Сью, как поживаете? — спросил шериф, устраивая громадный вес в качалке, явно не рассчитанной на такую ношу. — Сто лет не видел. Поклянусь, ни минутой не постарели с того дня, как начали учить в Элбоу-Рок, вон там на холме. Правда?

— Не знаю, шериф, — нервно засмеялась она. — Иногда кажется, на несколько дней всё-таки постарела. С тех пор немало закатов посмотрела.

Смех большого полицейского едва не потряс бревенчатые стены.

— Надо сказать вам, Росс, — обратился он к тихому спутнику у окна, — тётушке Сью принадлежат все закаты Озаркских гор. Сколько вы за них заплатили? — Опять повернулся к улыбающейся хозяйке. — Ах да: пятьдесят центов за акр земли и четырнадцать с половиной долларов за закаты. Смотрите, Росс, не покупайтесь на здешние закаты!

Снова захохотал смех, кресло грозило развалиться от сотрясавшегося тела.

Джентльмен у окна негромко засмеялся вместе с ним.

— Впрочем, со мной вы в безопасности, — продолжал шериф. — Мы с тётушкой Сью лет двадцать дружим. Всегда захожу, когда бываю в Элбоу-Рок, если не очень спешу. Раз целую неделю прожил, пять лет назад, когда банду Льюиса ловили. Она знает: я любого посажу, кто хоть пальцем её заката коснётся.

Словно шутка о службе напомнила обязанности, добавил:

— Совсем забыл. Это мистер Росс, тётушка Сью. Один из лучших сыщиков Уильяма Дж. Бёрнса. Только не бойтесь, пришёл не за вами.

Смеясь вместе с гостями и отвечая на представление, тётушка Сью с напряжённым интересом рассматривала делового джентльмена.

— Кажется, — медленно сказала она, и нежность тихого образованного голоса особенно выделялась после шерифова грома, — кажется, сэр, я впервые вижу настоящего сыщика. Читала, разумеется.

Мистер Росс был очарован прекрасной пожилой дамой, смотревшей с детским интересом и говорившей с такой милой откровенностью и достоинством.

— Боюсь, мадам, я сильно разочарую, — улыбнулся он. — Никто из знакомых мне собратьев не смог бы соответствовать славе, которую создают книги. Ни один живой агент и отдалённо не приблизится к подвигам вымышленных сыщиков. Мы очень, очень обыкновенные люди, уверяю.

— Уверена, по крайней мере вы очень добры, — мягко ответила тётушка Сью.

Щёки опытного служителя закона вспыхнули, как у школьника.

— Мистер Росс, как говорил, один из главных людей Бёрнса, — вставил шериф.

Тётушка Сью повернулась к большому другу.

— Да?

— А люди Бёрнса охраняют банки по всей стране.

— Да? — прозвучало так тихо и нежно, что едва расслышали.

Громкий голос продолжал:

— Вот Росс и занимается большей частью банковскими делами. Сейчас идёт за молодыком, который унёс немало денег из чикагского «Эмпайр Консолидейтед», сберегательного банка, месяц назад. То есть исчез месяц назад. А понемногу воровал около года: работал у них.

— Банк «Эмпайр Консолидейтед»! — почти шёпотом повторила тётушка Сью.

Именно туда отправила деньги брата из Буэнос-Айреса. А президент банка Гомер Т. Уорд — её давний ученик. Да ведь незнакомец в соседней комнате сейчас лежит в ночной рубашке самого президента!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.